

Пескорка

5

Внуки солдат Октября

В темпе марша 1. КОЛЫШЕТ ВЕТВИ КЛЕНОВ, ШУ-

МИТ В САДАХ ЗЕЛЁНЫХ, ЛЕТИТ, ГУДИТ ПРИВЕТЛИВО БАЛТИЙСКИЙ ВЕТЕРОК. ОН ТОЖЕ ВМЕСТЕ С НАМИ НЕ-

Прпев

СЁТ СЕГОДНЯ ЗНАМЯ ПО ГО. РО.ДУ РОДНО. МУ, ПО ТЫСЯЧАМ ДОРОГ. У. ЛИ.ЦЕЙ ЛЮД.НО.Ю

В ПРАЗДНИЧНОМ ЗЕЛЕНИ ВНО.ГУ ША.ГА.ЕТ ОТ.РЯД ЛЕ.НИН.ЦЫ ЮНЫЕ

Для повторения *Для окончания*

ГО. РО.ДА ЛЕНИНА-ВНУКИ СОЛДАТ, СОЛДАТ ОК.ТЯ.БРЯ! ДАТ ОК.ТЯ.БРЯ! 8-3

улен ff

(Текст песни на 3-й стр. обложки)

№ 5

Год издания I

Май 1957 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и
Горкома ВЛКСМ

Славные традиции

Пионерской организации тридцать пять лет.

Заслуженными учёными, военачальниками, знатными рабочими, учителями, врачами, инженерами стали первые пионеры — славные, дружные мальчишки и девчонки — весёлые горнисты, звонкоголосые запевалы, лихие барабанщики.

На сборы дружин и отрядов вы, ребята, приглашаете дорогих гостей, которые в детские годы были пионерами. Они рассказывают вам о том, как помогали взрослым строить новое, как крепко дружили и дружно работали. Они хотят, чтобы вы в большом и малом следовали славным традициям первых пионеров. Это значит — хорошо учиться и помогать взрослым в их труде, интересоваться окружающим, активно вторгаться в жизнь, уважать друг друга. Кстати, уважение к товарищу выражается и в пионерском салюте, который отдаётся при встрече. Почему же забыт этот хороший обычай?

Наступает летняя пора. Тысячи ребят поедут в лагеря. Поговорим откровенно. У нас есть такие ребята, которые избегают работы в поле или в огороде, в походы не ходят, боясь простудиться или замочить ноги, спортом не занимаются. Им скучно. Разве это отдых? Нет, первые пионеры отдыхали не так. Они не боялись мезелей на руках, дальних походов, ночёвок в лесу, трудных переправ через реки и болота. Они закаляли свою волю, укрепляли мышцы, учились плавать и метко стрелять.

Продолжайте и развивайте, ребята, хорошие традиции первых пионеров!

Наш город

*Его история богата,
На славу гордую щедра.
Гнилое было здесь когда-то
Болото до времён Петра.*

*И здесь, где вы живёте ныне
В добротных каменных домах,
Гуляла рыба в чёрной тине,
Алела клюква на холмах.*

*Да вороньё, в деревьях кроясь,
Разбойный поднимало крик...
Но встал народ в воде по пояс,
И новый город здесь возник.*

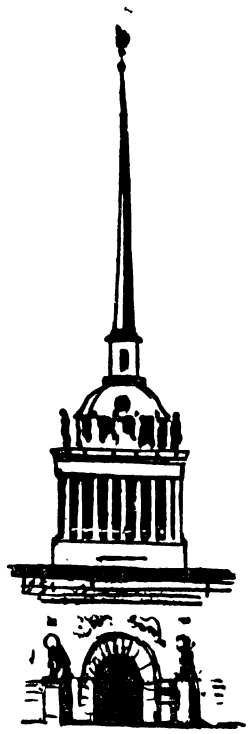
*Разросся, стал он знаменитым,
Весь мир о нём заговорил...
К Неве, окованной гранитом,
Ночами Пушкин приходил.*

В царей здесь грянул первый
выстрел,
Свобода повела сердца
От выступленья декабристов
До штурма Зимнего дворца.

А сколько раз над ним, ребята,
Мели свинцовые ветра...
Его история богата,
На славу гордую щедра.

Вы подрастёте, и по праву,
Как счастье лучшее своё,
Отцы вручат вам эту славу, —
И вы продолжите её.

ИМЯ ленинградского писателя Георгия Константиновича Холопова хорошо знакомо юным читателям по его романам о жизни и деятельности С. М. Кирова «Огни в бухте» и «Грозный год».

В годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович был военным корреспондентом. Рассказ, который мы публикуем, написан им по личным впечатлениям, в основе его лежат достоверные факты.

Георгий Холопов

Рисунки В. Вильнера

Фрау Матильда и пионер Вася

Я ВИДЕЛ, как освобождали узников из Венской тюрьмы. Из широко раскрытых тюремных ворот выходили измождённые, голодные, обросшие бородами австрийские патриоты, чешские, французские и греческие партизаны и со слезами радости на глазах обнимали наших советских солдат и офицеров. Стоило пройти через все страдания войны, чтобы видеть эту картину неповторимого человеческого счастья.

Я видел освобождение узников и из другой тюрьмы — фашистской Германии, хотя и находился в те дни под Прагой. У этой тюрьмы было много ворот, и после падения Берлина миллионы людей хлынули из них на дороги, ведущие через Чехословакию, Венгрию, Австрию во все концы Европы. По иным невозможно было ни пройти, ни проехать. День и ночь по дорогам двигался огромный по-

ток людей. Шли в одиночку, группами, большими и маленькими колоннами. Ехали верхом, на телегах, в стареньких и диковинных автомашинах, в автобусах, на мотоциклах и велосипедах. Но чаще шли колоннами, со знамёнами, с транспарантами, с песнями. Песни звенели круглосуточно и на многих языках. То была радость: после четырёхлетнего пребывания в рабстве люди возвращались домой, на родину.

В моей памяти сохранилось много неповторимых событий этих дней, и самое яркое из них — встреча с первой колонной наших советских людей. Колонна была большая. Были в ней женщины, старики, молодёжь. Шли без флагов, транспарантов, без песен, строгим, форсированным шагом. Казалось, боялись не успеть вырваться из неволи.

Впереди колонны шёл мальчик лет четырнадцати, в красном пионерском галстуке, замыкала колонну старая колымага. Сидели в ней древний подслеповатый дед и древняя бабка в овчинных шубах. Такую колымагу лет двадцать тому назад ещё можно было встретить где-нибудь на Орловщине, в глухих, дальних районах Вологодской области, но удивительно было её видеть здесь, на севере Чехословакии, на трансевропейской автострате.

Моё внимание привлек мальчик в пионерском галстуке. У него было не по-детски серьёзное лицо, глаза, которые всё видели на свете и ничему больше не могли удивляться. Мальчик шёл не как освобождённый, вызволенный из неволи пленник, а как солдат-победитель, но победитель, которому эта победа стоила немалых сил и немалой крови. Не потому ли наши люди и поставили его впереди колонны? Как символ...

Через день той же дорогой я возвращался из-под Праги обратно в Вену. Останавливался на сборных пунктах, где собирали наших людей перед отправкой на родину. Я искал мальчика в пионерском галстуке. Найти его среди десятка тысяч людей было невозможно. Я уже отчаялся в своих поисках, но мне всё же повезло: мальчика, правда, я не нашёл, но встретил женщину, жительницу Днепропетровска, хорошо знавшую его, которая и рассказала вот эту историю...

* * *

К фрау Матильде нас пригнали осенью 1941 года. Хозяйство у неё и тогда было крепкое, по-нашему — кулацкое, но небольшое по сравнению с соседскими: восемь гектаров земли, пять коров, пять лошадей. Сыновья фрау Матильды воевали у нас в России, мужа у неё не было, умер он давно, и хозяйство она вела сама.

С виду это была кроткая старушка, — сухонькая такая, аккуратная. Я помню её всегда в чистеньком фартуке, в накрахмаленном воротничке, ласково смотрящую поверх очков... И комнаты в доме были под стать хозяйке: чистенькие, прибранные, в иконках и бумажных цветочках, в вышитых полотенцах и пёстрых ковриках с порхающими ангелами.

Но дьявольская сила и жадность сидели в этой чёртовой старухе. Целыми днями она была на ногах и заставляла нас работать, работать, работать. Просыпались мы ровно в четыре утра. Ни на минуту раньше и не позже. Даже в осеннее ненастье, даже в январскую стужу!.. Ровно в четыре! Ровно в два часа дня у нас был обед. Ровно в девять вечера — ужин.

Рабов у фрау Матильды было больше сорока: французы, чехи, поляки. Русских было мало, да и то народ всё старый и хворый, вроде меня... Но наша фрау Матильда никому не давала поблажки, всем находила работу. Только и слышишь целый день её голос: «Работайте! Работайте!»...

...Богатела она не по дням, а по часам. И сыновья её старались: посылки из России шли десятками. Но главное, она богатела через нас. С утра до вечера в доме, на дворе, на поле кипела работа. За какие-нибудь полгода плотники

построили новый скотный двор, маслобойню, бараки, каменщики сложили два одноэтажных каменных дома, усадьбную тюрьму, обнесли всю усадьбу высоким забором, поверх которого ещё протянули в три нитки колючую проволоку. Хозяйка наняла управляющего и надсмотрщика, и жизнь наша у неё стала протекать, как в настоящей крепости. Ворота были обиты железом, по двору бегали злоющие овчарки со вздыбленной шерстью, сушие волкодавы, и попробуй вырваться из этого ада! Да и бежать некуда: Россия далеко. Но некоторые всё же пытались бежать: дядя Прохор, например, колхозный пасечник, был он откуда-то со Смоленщины... Волкодавы настигли его за деревней и так покусали, что старик в тот же день умер...

Мы уже больше года жили в рабстве у фрау Матильды. Однажды старуха получила извещение — погиб у неё сын на фронте, убили его у нас на юге. Потом, через неделю, второе извещение — погиб старший сын. Старуху хватил удар, у неё отнялась левая нога.

В утешение фрау Матильде за убитых сыновей пригнали новую партию рабов. Это было летом 1943 года, перед уборкой хлебов. Среди пленников был и мальчик Вася, которого вот вы ищете. Был он пионером, учился в седьмом классе советской школы — и попал к фашистам!.. С приходом Васи всё и завертелось в усадьбе фрау Матильды.

В первый же день Вася нам всем категорически заявил, что он — пионер и на проклятых фашистов не будет работать.

— А ты, сынок, хоть притворись, что работу работаешь, — стала просить его тётя Фрося: она трудилась вместе со мной на скотном дворе. — Здесь с нашим братом не церемонятся. Убьют ни за что!.. Потерпи немного, не вечное жить в рабстве. Вызволят из неволи наши солдаты.

— И не подумая! — гордо ответил мальчик.

Наутро вместе со всеми работниками он пришёл на кухню за завтраком. Завтрак всегда раздавала сама фрау Матильда. Известен немецкий завтрак: стакан кофе и кусок хлеба. На столе стояло большое блюдо и крохотные весы, вроде аптекарских. Хозяйка просыпалась раньше всех в доме, и когда мы приходили за завтраком, то и кофе был готов и хлеб развешенный лежал на блюде. Это было красивое, золотом расписанное блюдо, с надписью по-немецки: «Мой дом — мой мир». Этот девиз фа-

шествующей старухи и определял её бытие: кроме своего дома, своего хозяйства, она ничего на свете не хотела знать.

Ну вот, значит, стоим мы все за завтраком. Опираясь на костыль, фрау Матильда раздаёт хлеб, разливает кофе. Доходит очередь и до Васи, он последним стоял, а на блюде — больше ни куска хлеба, в кастрюле — ни капли кофе!.. Он очень смутился, покраснел, но ни слова не промолвил. Фрау Матильда ласково улыбнулась, погладила его по голове, сказала по-русски:

— Надо работать, потом кушать, мальчик.

Вышел Вася огорчённый из кухни и куда-то пропал. Но к обеду вернулся. И опять ему ничего не досталось. То же — на ужине.

Утром Вася больше не пошёл на кухню и весь день проголодал. Мы принесли ему в барак кое-что из наших припасов, но он сердито от всего отказался...

Мы гадали: чем кончится эта история? А история ещё только начиналась. Два дня голодал Вася, а на третий пришёл к завтраку. Опять ему ничего не досталось. Тогда он схватил блюдо со стола и швырнул его на пол. Фрау Матильда так побледнела, так затряслась, что мы не на шутку испугались. Конечно, разбитого блюда ей было очень жаль, но в этом поступке русского мальчика она увидела что-то недоброе.

Пришёл управляющий герр Франц и вместе с ним герр Карл — наш надсмотрщик и палач. Между собой мы этого Карла называли не иначе, как Бегемот. У него челюсть была, что старый лапоть. Зверь был из зверей! Ходил всегда с плёткой. Мог любого избить до полусмерти. Мог затравить овчарками, как дядю Прохора, пасечника... Схватили два герра нашего Васю под руки и поволокли на скотный двор... А мальчик, вы, наверное, сами заметили, щупленький, выдержать ли ему плётки Бегемота?.. Ну, тут мы все, кто был в это время во дворе — и русские, и французы, и поляки, — преградили им дорогу, запротестовали, сказали, что не имеют они никаких таких прав издеваться над мальчонком.

Герр Франц очень рассерчал, оставил Васю под охраной Бегемота, побежал в конторку звонить по телефону. Не прошло и десяти минут, видим, на машине приехали полиция. Окружили они нас, загнали на скотный двор, вы-

несли скамейку и начали на ней пороть всех по очереди... Первым выпороли Васю и полуживого поволокли, бросили в усадебную тюрьму... Потом — тётю Фросю, было ей лет под шестьдесят, тихая она такая была старуха, смиренная. Потом потащили конюха, старика француза дядю Шарля, и тоже били... К полудню всех выпороли. Это в наказание, чтобы мы, пленники, не забывали, где находимся, чтобы ещё лучше работали на проклятую старуху.

Бедный наш Вася три дня без хлеба и воды пролежал в тюрьме. Она была, как настоящая тюрьма: с цементным полом, с крохотным окошком под самым потолком. Только вместо часового у двери сидел большой мохнатый пёс. «Чёрная пасть» — называли все его и обходили за двадцать шагов.

На четвёртый день Васю навестил Бегемот. В одной руке он держал плётку, в другой — лопату.

— Выбирай! — сказал он мальчику. — Или пойдёшь работать, или заporю до смерти.

Вася, говорят, взял лопату, внимательно осмотрел её, взвесил в руках, потом вдруг сделал шаг назад, размахнулся и что есть силы ударил Бегемота лопатой по голове.

Мы в это время в сарае пилили дрова. Вдруг слышим дикий крик. Выбежали... Видим, с залитым кровью лицом по двору, шатаясь, идёт Бегемот.

— Убили, убили! — кричит он по-немецки.

Ну, сбежались на крик работники фрау Матильды, схватили его под руки, внесли в дом. Вскоре приехал ста-

ричок доктор. Бегемота перевязали и увезли в больницу, а вооружённая толпа местных фашистов во главе со старичком доктором направилась в тюрьму, чтобы убить Васю. И убили бы они его, не побегли за ними служанка, которой старуха приказала привести к ней Васю.

Привели Васю к фрау Матильде.

— Почему ты не хочешь работать, мальчик? — спросила старуха.

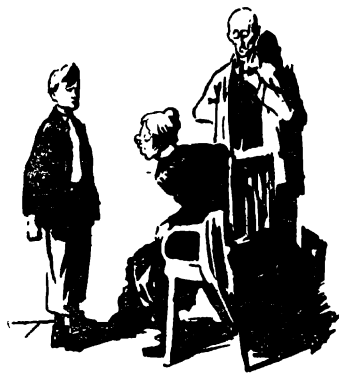
— Я не раб, — ответил Вася, — это рабов заставляют работать. Я — пленник.

— Кто ты есть, мальчик? — спросила старуха. — Граф? Русский барон?

— Я есть русский пионер, — ответил Вася.

— Пионер? — сдерживая смех, спросила старуха. — Хорошо, — сказала она. — Мы не будем тебя убивать. Я это приказала, и ты будешь жить. Но мы будем вышибать из тебя русский дух, непокорность. Мы сделаем тебя рабом!

Васю привели на скотный двор, приставили к нему одного местного фашиста, дали в руки лопату и заставили выгребать навоз. Но мальчик так медленно и неохотно шевелил лопатой, что фашист чуть не лопнул от злости. Злобу свою он вымещал на Васе плёткой Бегемота. Тяжело было смотреть, как избивают беззащитного мальчика... Уж мы плакали, плакали!.. Пробовали ещё раз уговорить его, чтобы он хоть чуточку работу какую работал. А он нет, всё своё. Говорит, не работы он боится, — дома

он и воду матери носил, и дрова колол, и в тимуровской команде состоял, помогали они какой-то безногой старухе, — а вот не может работать на фашистов, потому что они убийцы и разбойники, враги нашей страны...

Стойкость его поражала пленных, и в особенности французов, поляков, чехов. Они говорили нам: «Страна, имеющая таких детей, — непобедима». Мы гордились нашим Васей. Не так уж потом безропотно мы переносили всякие издевательства от нашей хозяйки. Держались дружно между собой. Раза три устраивали настоящие забастовки. И ничего, должна вам сказать, старуха не стала нас больше трогать. Работать-то особенно было некому у неё, крестьяне-немцы неохотно нанимались к ней, она и с них снимала семь шкур и не меньше, чем над нами, измывалась. Помещица была лютая, что наша Салтычиха.

Но с Васей она всё же не сладила. Нашла коса на камень. Не работал он, только так себе — переливал из пустого в порожнее. Нагребёт гору навозу, потом разгребает его... Ну, тогда снова заперли его в тюрьму. Погиб бы он там, наверное, с голоду и от побоев, но тут очень даже кстати нашей фрау Матильде принесли ещё одно извещение: убит был у нас на фронте и третий её сын, Теодор... Старуху хватил ещё один удар. У неё отнялась правая половина тела... Потом, когда она немного пришла в себя, — объявила трёхдневный траур по убитым сыновьям, по дню на каждого, велела выпустить Васю из тюрьмы и нам кое-какую поблажку сделала. Привели мы нашего Васю к себе в барак и стали лечить и откармливать. За какую-нибудь неделю он поправился, встал на ноги, но утих как-то, весь ушёл в себя, стал малоразговорчив, всё думку какую-то думал, точно смирился со своим рабским положением. Сам потом пошёл к фрау Матильде и попросил определить его на работу.

Было уже время уборки хлебов. Как-то мы жали пшеницу. Ветреный такой день выдался. Фрау Матильде немецкие мастера по её заказу смастерили высокое кресло на колёсах. Вроде зубо-врачебного, с подъёмным механизмом. Покрутишь ручку — и кресло на сажень поднимается вверх. Сверху всё видно, всё поле. Как с вышки! Старуха разъезжала в этом кресле, наблюдала за нашей работой. Вот уж была хищница! С её горем дома бы сидеть да горе

горевать, а она нет, мучается на солнцепёке, слезит на ветру.

Вдруг слышим голос фрау Матильды. Кричит она:

— Где Вася? Почему его не вижу? Найти Васю!..

А Вася наш в тот день работал на подводе, снопья под-
возил. Стали искать его — нигде не нашли.

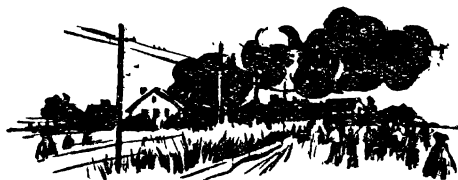
— Найти Васю! — кричала старуха и грозила нам ку-
лаком.

С чего, думаем, старуха сходит с ума, куда денется мальчик? Устал, видимо, и спит где-нибудь в хлебах... А фрау Матильда всё кричит, всё грозит. И в это время видим, большое и густое облако поднялось над горизонтом, потом показались языки пламени в дальнем конце поля.

— Пожар! Пожар! — раздавались со всех концов радостные голоса, и все сбегались к креслу нашей хозяйки.

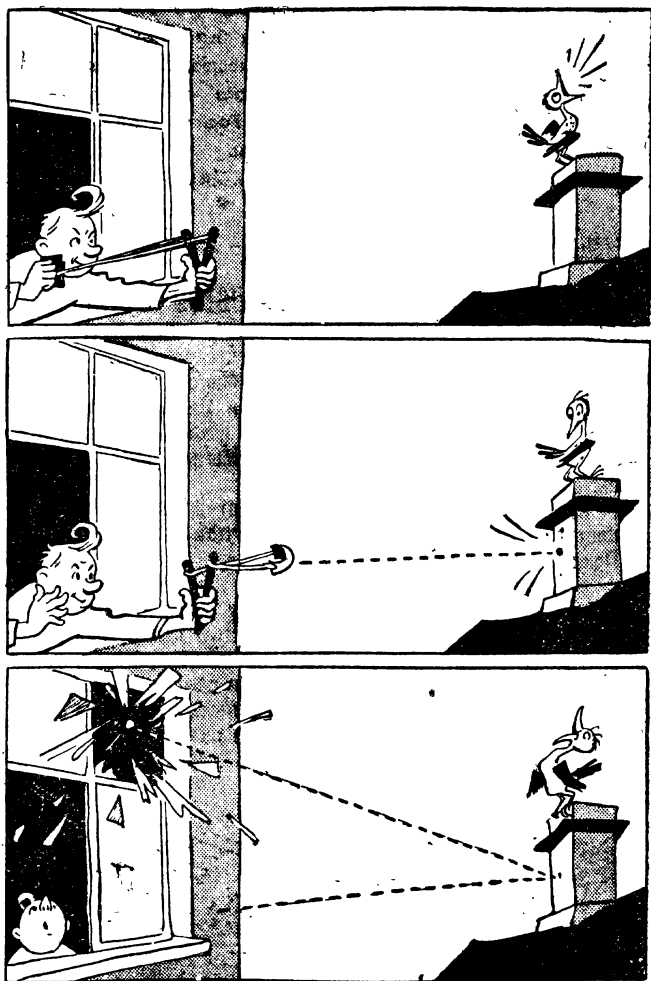
— Туда! Тушить пожар! Скорей! Скорей! — кричала старуха, а мы стояли вокруг и посмеивались. Кое-кто даже плясал от радости. И вдруг видим: утихла наша фрау, клюнула носом, подалась вперёд и так свалилась со своего «наблюдательного пункта». Доконал-таки её Вася! Не смирился. Искали его полиция долго потом, не нашли.

Да... Вот он каков — мальчик в пионерском галстук!

Рикошетом

Рассказ в рисунках Н. Зверева

ВЛАДИМИР Васильевич Торопыгин — молодой ленинградский поэт, автор книжечек стихов «День открытых дверей» и «Наш корреспондент».

Основные темы его стихотворений — жизнь и быт советской молодёжи, студенчества, воспитание в человеке высокого чувства патриотизма, любви к Родине, к Коммунистической партии.

Владимир Торопыгин

Рисунки А.Крутцова

Пионерский слёт на Дворцовой площади

На площади просторной —
весёлая пора:
зовут

к параду

горны —

выходит детвора.

У каждого букеты —
цветущая сирень.

Пришло

с парадом

лето

на площадь в этот день!

Закончены экзамены, —
дружины лето ждёт...

Под пионерским знаменем
здесь рапортует слёт:

— Мы с детских лет

озеяны

победами страны.

Мы будем делу Ленина
и Партии

верны!

Мы помним:

гибли деды

от жаркого свинца,
чтоб здесь вот

взять

победу —

у Зимнего дворца.

Чтоб поднял здесь

над нами

в прозрачный небосвод
пылающее знамя

наш

пионерский

слёт!

Назовите, что прекрасней...

Назовите,
что прекрасней,
чем большой спортивный
праздник!

Морем радужных знамён
плещет в небо стадион.
Осветив колонны юных,
солнце,

видно, спорт любя,
целый день
по всем трибунам
сектор
ищет для себя.

Назовите,
что чудесней
боевой, спортивной песни
тех, кто птицею — над сеткой,
кто в мишень стреляет метко,
мяч кладёт в корзину ловко,
боя

заставляет петь,
пролетает стометровку —
не успеешь разглядеть!

Назовите,
что бывало
ярче гордой майки алой
тех, кто твердо взял рекорды
и умножил славу спорта,
кто идёт к победам новым,
цель преследуя

одну:
чтобы лучше
быть готовым
к обороне
и труду!

С красным галстуком — всю жизнь

(Из рассказа артистки ТЮЗа
Б. Волохонской)

33 ГОДА я не расстаюсь с красным пионерским галстуком... Расскажу, как повязали его впервые.

Это было в 1924 году. Пионерской организации присвоили имя Владимира Ильича Ленина. В Москве, во всех городах Советского Союза отряды готовились к торжественному параду.

Наш вожатый Шура Матвеев, паренёк чуть постарше нас, собирал отряд каждый день. Он рассказывал о дедушке Ленине, о законах и обычаях юных пионеров, разучивал торжественное обещание, объяснял, почему галстук имеет три конца и что такое салют... Всё это появилось впервые, и мы старались не пропустить ни слова из рассказа вожатого.

После беседы Шура учил нас, как надо ходить в строю. Этому он уделял очень большое внимание.

— Пусть все чувствуют, что идёт тридцать пятый отряд, — любил он говорить...

И вот настал исторический день в жизни пионерской организации — 23 мая 1924 года.

Все отряды Ленинграда должны были собраться на Дворцовой площади. День был на редкость жаркий. Мы шли в пионерской форме. Мальчики — в трусах и светлых рубашках, девочки — в шароварах и белых блузочках.

Галстуков у нас не было. Их бережно нёс вожатый, чтобы надеть торжественно на площади. Почти весь отряд состоял из ребят, только что принятых в пионеры.

Помню, как мы шагали по Невскому проспекту. Впереди — барабанщик, потом — знаменосец... Звеньевые шли сбоку, с красными флажками.

По пути нам встречались другие отряды. Они выходили со всех прилегающих улиц — с Литейного проспекта, Садовой, Желябова, Герцена... На улице Герцена находился первый отряд Центрально-Городского района. Мы всегда с ним соревновались в выправке, в заливчатом исполнении пионерских песен. Вот и тогда — увидели мы их отряд и сразу затянули:

*Смотрит вожатый, смотрит пионер,
Что за отряд показался вдали?
Лейся, песнь моя, пионерская,
Буль-буль-буль, баклажка
походная моя...*

А они в ответ ещё громче:

*Лица загорелые, взоры очень смелые —
Это идёт наш первый отряд...*

Так мы и перекликались песней, весёлой прибауткой, задорной командой.

На Дворцовую площадь пришли одними из первых. Каждый отряд расположился на своём месте. Мы стояли правее арки. В ожидании парада пели, плясали...

Но вот заиграл горн. В каждом отряде забарабанил барабанщик, давая знать: пора строиться!

— Отряды, смирно! — пронеслось по площади.

Настала самая торжественная минута. Никогда не забуду этот день. Как я тогда волновалась!..

На трибуну поднялся старый коммунист, с большой белой бородой. Он поздравил нас с замечательным событием — присвоением пионерской организации имени Ленина.

Раздалась команда:

— К торжественной присяге на верность делу Ленина приготовиться!

Мы замерли. Я старалась не дышать, чтобы не проронить ни одного слова, хотя знала торжественное обещание наизусть.

Старый коммунист говорил слова пионерской присяги, а мы повторяли её слово в слово.

— Буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича!

Это были последние слова обещания. С трибуны раздалось:

— К борьбе за рабочее дело, юные ленинцы, будьте готовы!

— Всегда готовы! — прокатилось по площади, и все отдали салют. Я так и осталась стоять с поднятой в салют рукой, пока вожатый завязывал мне галстук.

Он улыбнулся и шепнул:

«Можешь опустить руку»... А потом громко: «Смотри, носи с честью красный галстук!»

Дороже всего на свете был для меня этот маленький кумачовый треугольник...

С тех пор прошло много лет. После школьной скамьи я стала артисткой самого юного театра — ТЮЗа. Играла тех самых мальчиков и девочек, которые носят гордое имя юных ленинцев...

Однажды, уже после войны, мы выступали в Доме культуры Промкооперации. Шёл спектакль «Красный галстук». Я играла строгого, непреклонного председателя созета отряда.

Кончился спектакль, меня вызывают:

— Берта Яковлевна, вас там морской офицер спрашивает, капитан...

Я удивилась. Выбежала, как была, в пионерском костюме, с красным галстуком.

Смотрю, стоит капитан первого ранга, грудь в орден-
нах. Лицо строгое, а глаза улыбаются.

Вдруг он щёлкнул каблуками и, отдавая салют, очень
знакомым голосом сказал:

— К борьбе за рабочее дело будь готова!

— Шурка! — вырвалось у меня.

Он не обиделся. Ведь именно так мы называли когда-
то своего вожатого.

Капитан первого ранга Александр Иванович Матвеев
пришёл на спектакль со своей дочкой и сразу узнал
в боевом председателе совета отряда свою бывшую
пионерку.

— Всю жизнь с пионерским галстуком — это замеча-
тельно! — сказал он на прощанье.

Пионерские памятные даты

23 МАЯ 1924 года пионерской организации было при-
своено имя Ленина, а через несколько недель со-
брался VI съезд комсомола, который обратился ко всем пи-
онерам с призывом — объединить в пионерской организа-
ции полтора миллиона детей (в то время было 250 тысяч
пионеров).

Съезд призвал пионеров помочь в борьбе с беспризор-
ностью.

«Ленинский комсомол обещает вам поддержку, — гово-
рилось в обращении, — но требует от вас настойчивости,
сплочённости в работе».

Юные ленинцы горячо откликнулись на призыв комсо-
мольского съезда.

К концу 1925 года в рядах пионеров было уже пол-
тора миллиона детей. Ребята помогли разыскать и опреде-
лить в детские дома сотни беспризорных.

Эти песни пели пионеры

МИЛЫЕ сердцу старые пионерские песни! Каждая из них связана с чем-то особенно дорогим.

Сидят ребята у костра. Ночь. Тихо. И вдруг кто-то запевает:

*...Вокруг костра трава росиста,
И сизый стелется дымок...*

Бывало и так. Шагает по улице отряд. Весело шагает, под барабан. А стоит смолкнуть барабанщику, запевала начинает:

*Смотрит вожатый,
Смотрит пионер,
Что за отряд показался вдали?..*

Кто не знает старую пионерскую песню о славном барабанщике, который шёл «...с весёлым другом — барабаном, с огнём большевистским в груди»!

Разные песни складывали ребята. Были среди них и смешные и неуклюжие. Но все они бесконечно дороги тем, кто начинал с ними пионерскую жизнь, кто пронёс эти песни через все годы и сейчас бережно и нежно вспоминает задорные слова:

*Жура-жура-журавель,
Журавушка молодой...*

Маленький барабанщик

Мал. марша

1. Мы шли под - гро.хот ка.но . на , ды, мы
 СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИ , цо, ВПЕ
 РЁД ПРОДВИ.ГА. ЛИСЬ ОТ , РЯ. ДЫ СПАР -
 ТА . ков.цев, сме.лых бой. цов ВПЕ
 РЁД ПРО.ДВИ.ГА. ЛИСЬ ОТ . РЯ . ДЫ СПАР -
 ТА . ков.цев, сме.лых бой. цов.

1. Мы шли под грохот
канонады,
Мы смерти смотрели
в лицо,
Вперёд продвигались
отряды
Спартаковцев, смелых
бойцов. (2 раза)	Но, пулей вражеской
сражённый,
Пропеть до конца
не успел. (2 раза)
2. Среди нас был юный
барабанщик.
В атаках он шёл впереди
С весёлым другом —
барабаном,
С огнём большевистским
в груди. (2 раза)	4. С улыбкой юный
барабанщик
На землю сырую упал,
И смолк наш юный
барабанщик,
Его барабан замолчал.
(2 раза)
3. Однажды ночью на
привале
Он песню весёлую пел,	5. Промчались годы боевые,
Окончен наш славный
поход.
Погиб наш юный
барабанщик,
Но песня о нём не
умрёт. (2 раза)

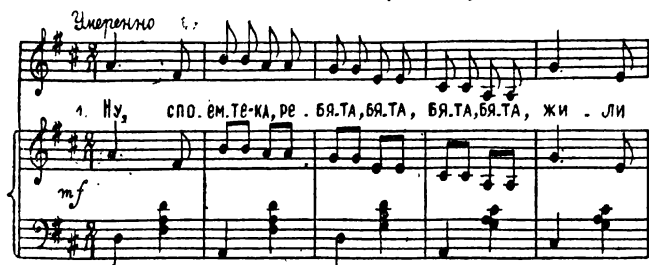
КАРТОШКА

Шуточная пионерская походная песенка

Слова В. Попова

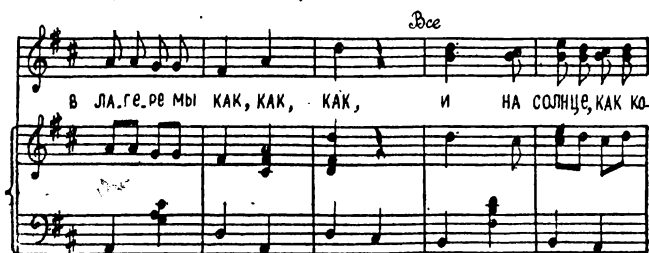
Гармонизация М. Иорданского

Уверенно

1. Ну, спо-ем. те-ка, ре - бя. та, бя. та, бя. та, бя. та, жи - ли

Все

в ла. ге. ре мы как, как, . как, и на солн. це, как ко.

тя. та, тя. та, тя. та, тя. та, грё. лись э. так, грё. лись так, так, так.

1. Ну, споёмте-ка, ребята,
Жили в лагере мы как
И на солнце, как котята,
Грелись этак, грелись так.

2. Наши бедные желудки
Были вечно голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры.

3. Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола.
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.

4. Здравствуй, милая картошка,
Низко бьём тебе челом!
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочём!

5. Ах, картошка, объеденье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал!

В РАССКАЗАХ Александра Ефимовича Пунчёнка чаще всего говорится о боевых делах морской пехоты, о героях-пограничниках, о смелых и отважных советских людях.

Один из сборников рассказов А. Е. Пунчёнка так и называется «Про морскую пехоту». Знакомы ребята и с его повестью «Испытание», знают и* увлекательную историю мальчика Яшки из книги «Пассажир дальнего плаванья».

Читатели «Ленинских искр» помнят, наверное, интересные рассказы подполковника Никифорова, тоже написанные Александром Ефимовичем Пунчёнком.

А. Пунчёнок

Рисунки В. Сердюкова

СОСЕД ЛЕНИНА

(РАССКАЗ)

РЕБЯТА познакомились со стариком сторожем так: собирали они для гербария травы на косогоре, старик шёл по дорожке низом; он остановился и пронзительно на весь парк засвистал.

На другой день пионеры собирали мхи и лишайники под Руинным мостом. Спорили, конечно, по разным поводам и не заметили, как опять подошёл дед.

Вскоре на мосту он гулко кашлянул. Дети, задрав головы, увидели его. Кто-то помахал ему и крикнул:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил он, разглаживая бороду.

Но здесь раздалась команда:

— На завтрак! Место сбора внизу, у изгиба ручья!

Уже завтракали, когда прибежали два мальчика и закричали:

— Он Ленина знал!

— Кто?

— Старик этот.

Оказывается, мальчики разговорились со сторожем, но ни тот, ни другой не могли вспомнить, с чего именно начался разговор, почему старик заговорил о Ленине.

Такому неожиданному сообщению ребята и верили и не верили. Иные даже подозревали, будто мальчишки сочинили это. Решили на завтра проверить: непременно разыскать старика. Найти его оказалось делом нетрудным, он находился в парке всюду. Полез кто-то в самой чаще парка за черёмухой — свисток. Другой только начал сбивать сталактиты в пещере под мостом — свисток. Вырезал мальчик палку в непролазных зарослях кустарника — готово, попался.

Сторож спросил, где ребята соберутся завтра. Обещал прийти. И пришёл в точно назначенное время.

Всем хотелось скорее услышать стариковский рассказ, а он, как нарочно, стал разглядывать собранные ребятами растения. Кроме того, всех очень интересовала небольшая книжка, по-ученически обёрнутая бумагой. Её старик держал под мышкой. Наконец, терпения у ребят не хватило.

— Правда, вы Ленина знали?

Старик сел, положил книжку на колени и пальцами, словно гребнем, распустил бороду.

— И знал и нет.

С затаённым дыханием слушали дети стариковский рассказ. О том, как жил он и работал в Петербурге ещё в 1894 году, о первых забастовках петербургских рабочих, о революции 1905 года, империалистической войне, Февральской революции, Октябрьской...

— Как-то, — рассказывал дед, — то ли в тысяча девятьсот двадцать девятом году, то ли в тридцатом, повезли нас автомобилем на экскурсию по местам, где жил Ленин: на Петроградскую сторону, на 10-ю Советскую, в Казачий переулок. И вдруг подвозят нас к дому на Садовой улице, номер сорок четыре, а по Таирову переулку номер шесть. Заведующий экскурсией рассказывает нам: «В этом доме, в квартире номер тридцать, Владимир Ильич проживал в тысяча восемьсот девяносто пятом году, и в этом доме в ночь на девятое декабря его арестовали». —

— «Стойте, — кричу я, — в этом же доме, в то же самое время в соседней квартире номер двадцать девять проживал я! Вон, рядом, окна моей комнаты!» Тут произошло форменное замешательство. Все кидаются ко мне с вопросами: «Чего же ты раньше молчал, что был соседом Ленина?.. Рассказывай!» А чего рассказывать, если я в ту пору не знал про Ленина. Встречался, может, с ним во дворе или на лестнице, так мало ли жильцов было в доме! Верно, потом слышал я, будто арестовали по соседству какого-то

социалиста. Тогда всех революционеров социалистами называли. Ну, поднялись мы всей экскурсией на четвёртый этаж. Уже я объясняю: «Вот квартира Владимира Ильича, а вот бывшая моя». Позвонили мы в квартиру номер тридцать: «Нельзя ли посмотреть?» — «Пожалуйста!»

Сами жильцы вроде как на экскурсии у себя в квартире.

В комнате той, что ж, люди живут...

Рассказчик умолк. Долго сидел он, неподвижный, задумчивый. Ребята боялись шелохнуться, чтобы не испугнуть наступившей тишины.

— Да, — вздохнул старик, — такова первая часть моей радостной и вместе печальной истории. А вот вторая... — Он взял книгу и, сняв с неё обёртку, показал всем название: «В. И. ЛЕНИН. ПИСЬМА К РОДНЫМ». — Книга эта, — продолжал старик, — попала мне спустя два года после памятной той экскурсии. Вот читаю я её. Дошёл до страницы тридцать девятой. Письмо Владимира Ильича матери, Марии Александровне Ульяновой. — «Пятого октября тысяча восемьсот девяносто пятого года. Петербург. Вчера получил, дорогая мамочка, письмо твоё от второго октября. Комнату я себе нашёл наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая, светлая. Ход хороший». Ведь это же по соседству со мной было! Через стенку я жил с Владимиром Ильичём, под одной крышей, дышал одним воздухом. Читаю дальше, вчитываюсь в каждую букву. Ага, ещё! На странице сорок второй опять письмо Марии Александровне. От пятого декабря. «Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так

что всё слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед...» — Старик положил книгу и грустным-прегрустным взглядом обвёл ребят. — Это я забавлялся балалайкой над ухом Владимира Ильича, мешал ему работать. Кому мешал? Владимиру Ильичу Ленину! Вождю мирового пролетариата! Сами судите, что было со мной после. Страшная вина мучила меня. Вот и вся история. Ну, мне пора.

Он ушёл, а ребята долго ещё сидели и молчали. Потом один мальчик вскочил, вспомнив:

— Про балалайку-то у старика не спросили. — И побежал следом за ним.

Вернулся мальчик скоро. Сказал:

— Не играет. Так, говорит, и висит на стенке.

Их именами названы улицы

Знай свой
город

КАЖДАЯ улица, площадь, каждый камень нашего города таит следы славной истории... Вот идём мы по Ленинграду, читаем названия улиц. Нам встречается множество имён... Проспекты Огородникова, Майорова, Газа, улицы Скороходова, Блохина, Григорьева, Москвиной...

Это — имена большевиков, борцов Октября, героев гражданской войны. Мы расскажем вам о некоторых из них.

* * *

...Кончалась белёсая ночь на 29 мая 1919 года. Александр Семёнович Раков, в прошлом организатор петербургского

Союза трактирных служащих, а в момент, к которому относится наше повествование, — комиссар бригады, объезжал позиции красных войск на Гатчинском участке фронта. Утром предстояло идти в наступление.

Вернувшись в деревню, где разместился штаб, комиссар и его товарищи забылись коротким предрассветным сном. Внезапно все проснулись от какого-то шума. Оказалось, что изменники, притаившиеся среди наших войск, привели на рассвете белогвардейцев. Их было много. Они окружили штаб.

Началась отчаянная пе-

Рисунки А. Ушина

рестрелка. Один за другим погибли все штабные командиры. Комиссар, потеряв надежду прорваться к своим бойцам, забаррикадировался в избе. Яростным пулемётным огнём уложил он многих врагов, дорого отдавая свою жизнь.

Так героически погиб Александр Семёнович Раков.

В честь героя питерские рабочие назвали его именем бывшую Итальянскую улицу возле Зимнего стадиона.

Улицу Ракова пересекает идущая от Невского к цирку, бывшая Караванная улица, ныне носящая имя Толмачёва.

Николай Гурьевич Толмачёв прошёл короткий, но славный 23-летний жизненный путь. Ещё студентом Политехнического института он стал подпольщиком, навсегда связав свою судьбу с партией Ленина. Пролетарии Петербурга знали его как великолепного агитатора, руководителя нелегальных кружков на Выборгской стороне и за Московской заставой. Особенно долго проработал Толмачёв среди рабочих бывшего завода Лесснера.

Активный участник Октябрьской революции,

Толмачёв вскоре выдвинулся, как один из лучших политических руководителей молодой Красной Армии. Он сражался на Урале.

Весной 1919 года партия послала Николая Гурьевича на защиту Красного Питера, поручив ему руководить обороной под Лугой.

На рассвете 26 мая, прикрываясь густым туманом, белые части оттеснили советский полк. Н. Г. Толмачёв был с группой красноармейцев прижат к берегу озера.

Воодушевляемые примером своего командира, красные бойцы дрались до конца. Когда пал последний красноармеец, а в нагоне у Толмачёва остался один патрон, Николай Гурьевич приложил револьвер к виску, не желая живым сдаваться разъярённым врагам.

Место гибели героя — бывшая станция Преображенская, под Лугой, носит имя Н. Г. Толмачёва.

В том же 1919 году, но вдали от Петрограда, погиб один из видных организаторов питерских рабочих А. К. Скороходов, известный пролетариям Оренбурга, Сормова, Николаева...

В предреволюционные годы Александр Кастрович вёл подпольную работу в Петербурге. Особенно хорошо знали «Кастрыча» (кличка Скороходова) рабочие Петроградской стороны. Не случайно поэтому Скороходов в 1917 году стал первым председателем Петроградского райсовета.

Сломленный в открытой борьбе, враг пытался свергнуть власть Советов путём заговоров. Партия направила А. К. Скорохова на пост председателя Губернской ЧК.

На Красный Петроград надвигается новый страшный враг — голод, и Скороходов — чрезвычайный продкомиссар — едет с отрядами на Украину. Вскоре оттуда в голодающий Питер двинулись эшелоны с хлебом.

Бесстрашного комиссара не останавливало ничто — ни кулацкие пули, ни надвигающаяся армия

Деникина. Почти на глазах у подошедших белых Скороходов отправил на север последний продовольственный поезд.

Поезд ушёл, но комиссар не последовал за ним. Он остался в Харькове для подпольной работы.

Не одну отважную операцию провели партизаны под руководством Скороходова. И когда уже близилась победа, когда Красная Армия снова подходила к Харькову, деникинская контрразведка напала, наконец, на след бесстрашного большевика. Схваченный озверевшими деникинцами, «Кастрыч» умер героем.

В память о бесстрашном борце революции именем Скороходова названы в Ленинграде бывшая Большая Монетная улица на Петроградской стороне, завод «Электрик» и трампарк у Крестовского острова.

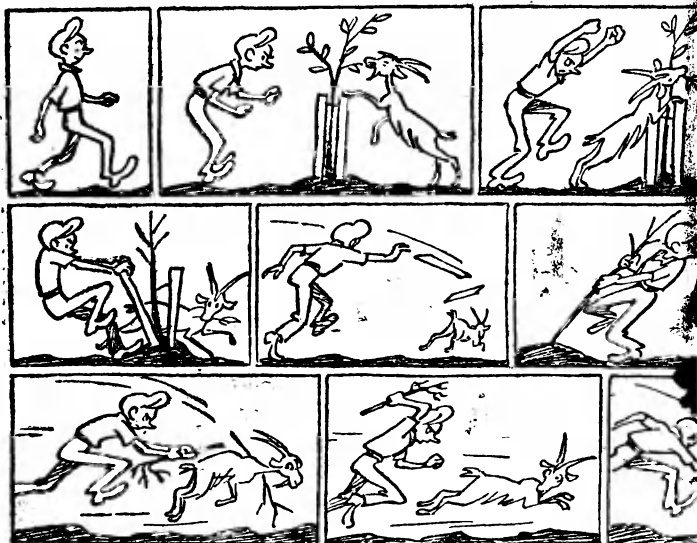
Г. КУРИЛЕНКО

РИСУНКИ Михаила Константиновича Бекташева вы можете увидеть почти в любом номере газеты «Смена», которую он оформляет с 1940 года.

Больше всего Михаил Константинович любит рисовать карикатуры и дружеские шаржи. Для его рисунков характерны стремительное движение фигурок, неожиданные сюжетные повороты, искренний, неподдельный юмор.

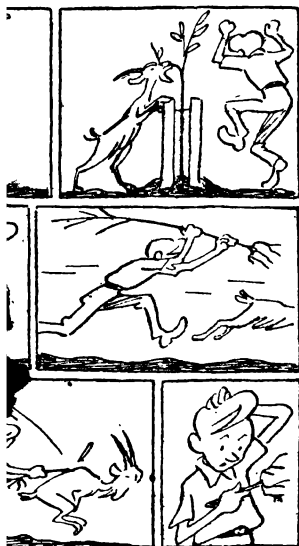
ПОГОРЯЧИЛО

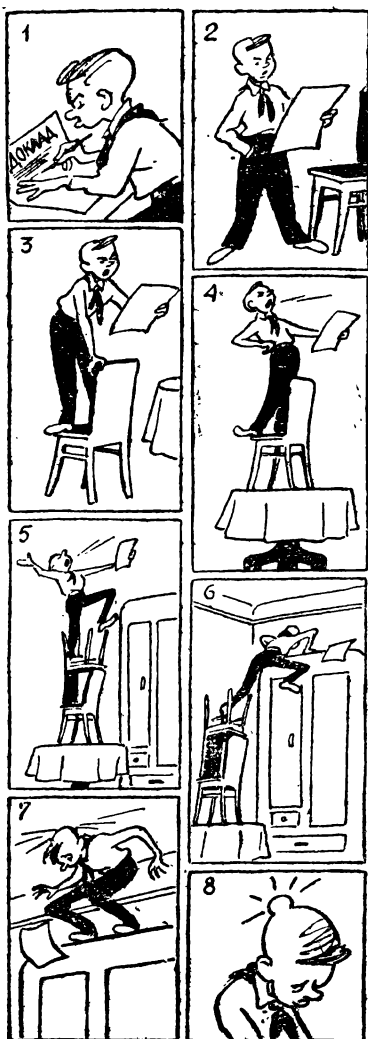
Веселая страничка

Рассказы в рисунках
М. БЕКТАШЕВА

Я

Докладчик

СТАРОМУ большевику, члену Коммунистической партии с 1918 года, генерал-майору в отставке Сергею Степановичу Гурьеву — шестьдесят лет. Из них сорок лет отдано военной службе. Он — участник трёх войн: первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. 11 боевых орденов и медалей украшают грудь заслуженного воина.

Сейчас Сергей Степанович решил поделиться с нашими читателями воспоминаниями о тех незабываемых днях, когда рабочие, крестьяне, солдаты России грудью встали на защиту молодой Советской республики, на защиту колыбели революции — Петрограда. У ворот Красного Питера дрался с врагами и молодой коммунист Гурьев. Здесь видел он разных людей — и отважных героев и тех, кто только начинал закаляться в грозных сражениях. Вот об этих людях, о их трудных делах и ведёт Сергей Степанович свой рассказ — простой и правдивый.

*Генерал-майор С. С. Гурьев **

Рисунки В. Орлова

За Красный Петроград!

(Боевые эпизоды)

АЛЕКИЙ, незабываемый 1919 год. Весной Антанта — союз империалистических государств — США, Англии и Франции — начала вооружённый поход против революции...

Тяжёлое это было время. Армии врагов огненным кольцом сжимали молодую Советскую республику, в стране бушевали контрреволюционные заговоры, кулацкие восстания. Хозяйство было разрушено царской войной, фабрики и заводы едва дымили, земля оскудела, рабочие голодали, большинство из них сра-

жалось на многочисленных фронтах. Красная Армия, родившаяся всего лишь год назад, была плохо вооружена, слабо обучена. Вот в такой трудной обстановке и пришлось оборонять Петроград от белой армии генералов Юденича и Родзянко.

В то время мне шёл двадцать второй год. Зимой 1917 года я возвратился с германского фронта, на котором воевал офицером старой армии. В начале 1918 года пришёл в Дом офицеров и сказал: «Хочу служить советской власти». Меня направили на военную работу в г. Лугу. Напряжение было огромное: с утра до позднего вечера я и мои товарищи обучали людей военному делу, формировали отряды, вели политическую агитацию в частях. Спали по 4—5 часов в сутки — враг подходил к воротам Петрограда, отдыхать было некогда.

17 мая меня вызвали в уездный комитет партии.

— Надо отбить наседающих врагов. Партия по указанию товарища Ленина объявила мобилизацию коммунистов. Тебе, как человеку, обладающему военным опытом, уездный комитет поручает возглавить группу мобилизованных в 20 человек и выехать с ними завтра на фронт!

Остаток этого дня ушёл на получение оружия, патронов, несложного снаряжения. На следующее утро наш отряд — маленькая, но твёрдая частичка партии большевиков — двинулся к вокзалу.

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И, как один, умрём
В борьбе за это.*

Звонкая песня широко неслась по городу ярким солнечным утром...

Мы прибыли в распоряжение Гатчинского комитета обороны. В одной из казарм Гатчины собралось 150 моби-

лизованных коммунистов, сведённых в одну роту. Мне поручили командовать ею. В два дня были сформированы взводы и отделения, назначены командиры и составлен план возможных действий по тревоге. Рота была готова выступить на фронт.

Но тыл вблизи от передовых позиций кишел тайными врагами и изменниками. Они замыслили открыть фронт белогвардейцам, срывали снабжение частей, устраивали поджоги складов, покушения на работников советской власти и партии. Гатчинский комитет обороны поручил нашей роте вместе с Чрезвычайной комиссией очистить Гатчину от вражеских элементов. Мы патрулировали по улицам и железнодорожным путям, участвовали в облавах, стояли часовыми у зданий, где помещались партийные и советские организации и учреждения. Очень помогали нам

местные рабочие, железнодорожники и даже их дети. К нашей казарме ежедневно приходили двое — трое босоногих мальчишек и настойчиво требовали: дай им повидать командира! Я приказал пропускать их ко мне без помех и не ошибся в своём расчёте: смелые и зоркие ребята порой сообщали важные сведения:

— Дяденька, то-ись, извиняюсь, товарищ командир! Вчера вечером со склада на станции двое мужиков уворовали мешки с зерном. Укрыли их, хитрюги, в сарае у железнодорожной будки!

— А не врётё?

— Провалиться нам на этом самом месте!..

Посылаю несколько вооружённых красноармейцев вместе с ребятами. Через некоторое время привозят украденный хлеб и ведут арестованных расхитителей.

Босоногие «разведчики» помогли нам разоблачить и группу белых офицеров, готовивших контрреволюционное восстание:

— Товарищ командир! Мы с Димкой подглядели, как в соседнем доме у подполковника Янушкевича по вечерам

собираются военные. Завесят окна плотно и шушукаются. Расходятся крадучись...

Снова выступает в поход вооружённый отряд. Суровы лица у красноармейцев, они готовы решительно сорвать злодейский план. И у ребятишек, которые перебегают по-одаль, тоже сердитый вид. Брагам не уйти!

С середины мая Красная Армия повела ожесточённые бои с белогвардейцами, уже рассматривавшими Петроград в бинокли. Ряды защитников Красного Питера всё время пополнялись петроградскими рабочими, а также красноармейцами, посланными сюда с других фронтов.

Несколько раз наши войска переходили на отдельных участках фронта в наступление, отбрасывали белых из-под стен города. Но гнездившиеся в ряде частей изменники передавали наши планы врагу, местами открывали фронт. Большие, лишние жертвы несла Красная Армия из-за подлых предателей. И всё-таки Красный Петроград был неприступен!

В июле 1919 года я стал командовать батальоном, сформированным из двух партизанских отрядов и почти целиком состоявшим из коммунистов. К этому времени белые шайки Юденича, отброшенные от Петрограда, закрепились на половине расстояния до Ямбурга (сейчас он называется Кингисеппом).

Четвёртый день наш полк стоит в болотистом лесу, безуспешно пытаясь взять деревни Арболово и Перелесье. Наши атаки кончаются большими потерями. Да и в короткие периоды затишья не легче: артиллерия белых сеет смерть в наших рядах, посылает снаряды из деревни Нарядово — штаба боевого участка белых. Красноармейцы с ненавистью грозятся:

— Погоди, беляк, доберёмся мы до тебя!..

А вражеские орудия бьют и бьют... Как добраться?

Стало ясно, что лобовым ударом укреплений врага не взять. На совещании у командира полка предлагаю

план: крестьяне, бежавшие в лес от белых, уверяют, что по болоту, которое находится правее и впереди участка моего батальона и никем не охраняется, можно пройти прямо в тыл к белякам, в Нарядово!

...Кончается день. Золотой шар солнца спускается за вершины огромных сосен. Ближится вечер, когда так хорошо в лесу. Не замечая окружающей красоты, обе стороны притаились, готовясь к ночи, всегда полной неожиданностей.

Лихой кавалерист остановил коня у моего шалаша:

— Товарищ комбат! Вам боевой приказ!

Вдвоём с комиссаром читаем: «Двум ротам пройти в тыл противника, выбить его из Нарядова, отрезать пути отступления, захватить штаб и артиллерию».

Быстро собрали командиров и политработников. Объяснив задачу, посылаю красноармейца в ближайший лесной лагерь, где спрячутся от белых крестьяне. Карта при ночном походе по болоту значит куда меньше, чем верный проводник, которому знаком каждый кустик: Вот такого проводника и должны дать нам лесные соседи. Пришли двое. Смотрят понимающе и спокойно. Не надо много слов — они готовы не только провести нас скрытно к белым, но и биться бок о бок с красноармейцами.

Отряд готов к выступлению. Комиссар Гамаюнов, рабочий из Царского Села (теперь г. Пушкин), говорит негромко и просто:

— Возьмём, товарищи, или все поляжем!

В ответ одно твёрдое слово — победим!

Двинулись мы цепочкой, один за другим, — 130 бойцов с четырьмя пулемётами. Густой, почти непроходимый лес сплошной стеной окружил нас со всех сторон. Спустилась ночь. По тёмно-синему небу мерцают далёкие звёзды. Кому из нас они в последний раз шлют свои нежные лучи? Но у всех одно желание — скорее дойти до врага и разбить его.

Идём, ломая зелёную стену, пробираясь через кусты и болотную топь. Лишь слабо хлупает вода, от которой давно промокли и саднят ноги; изредка звякнет штык, да иногда, сорвавшись с кочки и увязнув по колено, приглушённо чертыхнется боец. Мы с комиссаром шагаем в разных местах колонны, ободряем красноармейцев. Но это люди особого склада, неукротимые и бесстрашные, в длинных речах они не нуждаются.

Два часа ночи. Идти около пяти вёрст, а мы прошли только половину. Выбегаю вперёд и приказываю ускорить движение. Роса пропитала всю одежду до тела. Остановка. Пробирает дрожь от болотной сырости и острого ожидания.

В разведку ушёл комиссар с двумя взводными и одним из проводников. Вот он усталый, но решительный, возвращается:

— Двигай, пока никого.

Впереди, на высоте, в тумане уже видны сады и дома Нарядова, захваченного белыми...

Приказываю перестроиться, чтобы расположить цепь вдоль деревни. Вдруг из кустов навстречу мне — разведчик, нервным шёпотом докладывает:

— Товарищ командир, к деревне побежал их часовой. Должно, обнаружил нас!

Секунды размышления: как действовать? Надо немедленно штурмовать деревню. Быстрота и храбрость решают победу. До деревни шагов триста. С криком: «Вперёд, на белых, ура!» посылаю из нагана первую пулю, — и сразу линией огня опоясалась вся цепь. От белых сверху — дождь пуль, снаряды чуть не в упор, но мы идём вперёд, вперёд.

— Ура-а! Даёшь Ямбург! Смерть белым! Победа! — всё это слилось в могучий боевой клич.

Врываемся в деревню, поливаем свинцом спины удирающих офицеров и солдат. Перебежав улицу, на которой развернулся бой, захватываем тяжёлую батарею. А на левом фланге, возле пушки лёгкой батареи, трое белых — подпоручик и солдаты — осатанели, бьют прямо в упор картечью. Но и их захлестнула наша волна.

Ревут беляки:

— Братцы! Товарищи!

— Гады вы, какие мы вам товарищи?!

И падают под ударами. За осаждённый Питер, за республику Советов, израненную, обгащённую кровью своих защитников, наносим мы эти удары.

Впрочем, есть у нас и пленные — 15 человек. Четверо из них — красноармейцы, обманутые предателем Неклюдовым во время мятежа на форту «Красная Горка». Они сразу просят винтовки и, получив их, яростно обстреливают своих бывших «друзей» — белых...

Так мы взяли Нарядово. Но ликовать было рано: мы были в тылу у белых, они могли обрушиться на нас со всех сторон. Я отдал приказание усилить важнейшие участки нашей позиции, установить везде наблюдение, подобрать убитых, заняться ранеными. Кто-то из красноармейцев подвёл мне оседланного коня:

— Подарок от 7-й роты, товарищ командир!

Достали коня и комиссару. Вдвоём стали объезжать деревню, распределяя силы на случай контратаки белых. Мы говорили: «Держись, товарищи, помощь близка!»

В ответ летело: «Ура, не отдадим, не уйдём!».

Чу! В стороне Арболово загремели выстрелы. Это наши добивают белых, спешат нам на помощь. И скоро мы увидели убегающие по опушке леса толпы врага. Гонимый с фронта, он в тылу попадал под наш огонь и падал, чтобы не подняться больше.

Через два часа состоялась радостная встреча: подошли батальон и рота, прикрывавшие наш ночной обход.

За этот бой восемь человек из нашего полка были награждены орденами Красного Знамени, а 20 — различными ценными подарками. И проводников-крестьян не забыли — они получили по коню и по новой избе!

Жестокие бои с армией Юденича шли по всему фронту. Как ни сопротивлялись белые, а 5 августа 1919 года Ямбург был взят.

Наш полк занял участок вдоль озёр Копанское, Глубокое и Бабинское. Мы оборудовали крепкую оборону и занялись боевой и политической учёбой. Население окружающих деревень возвратилось из леса и принялось налаживать жизнь.

В это время Петроград переносил тяжкие муки голода, который был врагом не менее страшным, чем белые и ин-

тервенты. В газете «Петроградская правда» 11 июля 1919 года было помещено такое объявление:

«Комиссариат продовольствия доводит до всеобщего сведения, что на июль месяц населению будут выданы следующие продукты: детям всех возрастов и взрослым всех категорий: сахара $\frac{1}{2}$ фунта, * соли $\frac{1}{2}$ фунта. Детям дополнительно: яиц по 2 шт., кофе в зерне $\frac{1}{2}$ фунта, сушёных фруктов $\frac{1}{2}$ фунта, сладостей $\frac{1}{2}$ фунта. Кроме того, детям до одного года манной крупы 1 фунт. По трудовым карточкам: соли по $\frac{1}{2}$ ф., икры $\frac{1}{2}$ ф., кофе в зерне $\frac{1}{2}$ ф., сушёных фруктов $\frac{1}{2}$ ф.».

И всё это — на целый месяц! Рабочий Петрограда получал хлеба в день всего 400 граммов — один фунт...

Поэтому борьба за хлеб была тоже сражением за Красный Петроград. Красноармейцы, сами получавшие небольшой паёк, делились им с питерцами, пересылали часть его в город. Боролись мы за хлеб и иначе: помогали убирать урожай.

...Окопы белых — в полуверсте. На фронте затишье. Наши красноармейцы, освободясь от снаряжения, но с винтовками за плечами, жнут. Серпы так и ходят. Здесь же хлебоборы, в большинстве — дети и женщины. Они увязывают снопы, укладывают их в золотистые суслоны.

А белые хотят этой работе помешать, открывают пальбу. При первых же выстрелах крестьянки ложатся на землю, потом, бросив серпы, убегают в лес, зовя с собою ребятишек. Но те ведут себя храбро, особенно мальчишки: лёжа на земле, они внимательно наблюдают — что же будут делать дяденьки-военные?

А красноармейцы, как бы недоумевая, с чего это белые подняли стрельбу, разогнув спи-

* $\frac{1}{2}$ фунта — 200 граммов

ны и прикрывая рукой глаза от солнца, разглядывают вражескую сторону. Стоят в полный рост, переговариваются:

— Ваня! А чего это он, дурень, палит? Ежели по нам, так ведь зря, не попадёт! — убеждённо говорит один.

— Э, пусть его! У него патронов много, вот и разбрасывает! Всё-таки ты похоронись-ка за суслоном, неровно зацепит — в госпиталь уедешь!

Пули белых свистят, но наши крепко помнят приказ командиров: стрелять только по видимой цели — и продолжают работать, скрываясь за скирдами хлеба.

— Ишь, проклятый, как привязался! — ругается кто-то. — Видно, в печёнках у него сидит наша работа!

А пули не на шутку беспокоят: вот одна у самых ног врезалась в землю, другая резко щёлкнула над ухом. Красноармейцы снимают винтовки и прицеливаются по нагло разгуливавшему часовому белых: терпенье лопнуло! Раздаётся залп. Часовой присел, но тут же выпрямился и снова стал прицеливаться в нашу сторону.

— Да он, как и мы, не больно боится! Стойте, братцы, я его сниму!

И отличный стрелок старательно навёл винтовку. Трах! «Смотри, упал!» Смех и шутки, что отомстили.

— Ну, теперь держись! В лес, ребята! Да пониже пригибайся! — командует стрелок.

Через минуту часто-часто засвистели пули — заработал пулемёт белых.

Так, с перерывами, убирается урожай, выращенный вблизи передовых окопов. Врагу ничего не достанется: красноармейцы сожнут, увяжут и отвезут вечером всю рожь, из которой крестьянки напекут душистые хлебы.

В октябре 1919 года Юденич, прорвав фронт наших войск у Ямбурга, бросил в прорыв английские танки с отборными частями и стал теснить нас к Петрограду.

В ночь на 12 октября я получил приказ отступить. Сделать это в полном порядке под натиском противника всегда очень трудно — от отступающих требуется особая сила воли и героизм.

Против наших частей, отходивших вдоль Финского залива, действовали офицерский полк графа Ливена и белоэстонцы. Они вытеснили нас из деревни Гостилицы и пытались опрокинуть в море. Тяжёлые это были дни. Красноармейцы были утомлены трудными боями. В только что сформированном отряде ещё не было спайки, зато шептунов и слабовольных людей хватало.

Настала ночь на 17 октября. В четыре часа, когда так сильно клонит ко сну, я вместе с двумя коммунистами, связными, вышел из избы, чтобы проверить заставу на левом фланге. Вдруг слева и почти в тылу у нас резко застучал пулемёт и свинцовым ливнем резануло по деревьям. В то же время прямо с фронта ударил второй пулемёт, загремела ружейная стрельба.

Ожил безмолвный до того боевой участок. Белые, как видно, хорошо подготовили неожиданный налёт. К пулемётам присоединилась артиллерия, ударившая по нашим заставам. Ближе от меня раздались крики:

— Окружили! Обошли! Спасайся!

Слышу тяжёлый топот бегущих людей. Кричу одному из связных:

— Беги на главную заставу! Пусть держатся до последнего. А я — влево.

Связной умчался. Мимо в панике бегут, тяжело дыша, перепуганные люди. Слышен голос начальника заставы Семенкова:

— Опомнись, стой! Мы отбиваем их!

Но потрясение слишком сильно. Трудно повернуть сейчас этих людей лицом к врагу.

Мы со вторым связным врываемся в толпу паникёров:

— Стой, стыдись! Назад, на белых!

Мой призыв подхватывают несколько голосов. Вокруг меня образовалось уже ядро человек в пятнадцать. Поворачиваемся и бежим к главной заставе — там много коммунистов.

Выясняется, что паникёров небольшая кучка. Основная масса красноармейцев героически бьётся с белыми.

Нас всего около сотни, белых в три раза больше, но вперёд, за Красный Питер, за революцию, за коммунизм! Вот только шагов 150 отделяют нас от врагов.

— Вперёд, на белых гадов, в штыки!

Грянуло ура, цепь белых поднялась и дружно кинулась... назад, в Гостилицы!

Позже мы выяснили, что офицеры подошли по замёрзшему болоту к нашему флангу и стали орать: «Обошли, спасайся, убегай!». Этим криком и стрельбой они и посеяли панику среди неустойчивых, сильным огнём по левой заставе рассчитывали сбить весь наш отряд. Но, как видите, просчитались!

Эта октябрьская ночь научила нас многому. Питерские коммунисты и беспартийные рабочие, влитые вскоре во все подразделения, создали такой перелом в настроении, что недавнее паникёрство некоторых слабодушных показалось тяжёлым сном.

На другой день мы читали ленинское воззвание, последние строки которого как будто именно нас имели в виду:

«Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабженья и вооруженья. Помощь Питеру близка, мы двинули её. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»

21 октября части 7-й Красной Армии перешли в наступление и в упорных боях нанесли решающий удар Юденичу, уже стоявшему у ворот Петрограда. Вскоре весь фронт двинулся на белых. 14 ноября над Ямбургом вновь реяло знамя Советов, чтобы никогда более не опускаться. Красный Петроград дышал свободно, вместе со всей республикой рабочих и крестьян расправлял могучие плечи, готовясь к новым боям и к новым победам...

В МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Днём носились тучи.
Ветер, как диспетчер,
Управлял движеньем,
Гордостью горя.
Но очистил небо белый майский
вечер,
Цвета спелой клюквы разлилась
заря.

Затрещал кузнечин, как полено
в пачке.
На травинке искрой виснет
светлячок...

Ждёт улова небо:
В чуть журчащей речке
Удочки незримой месяца крючок.

Чуть слышна в деревне
под гармошку песня,
Подпевает в роще звонкий соловей...
И охота крикнуть:
— Есть ли что чудесней
Вечеров весенних
Родины моей!

Сергей МАКАРОВ
1-я средняя школа,
г. Кингисепп

Вот так шары!

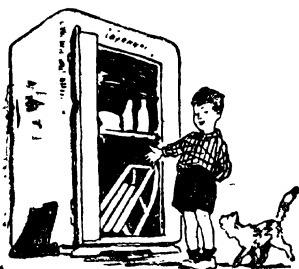
Рис. К. Бекташева

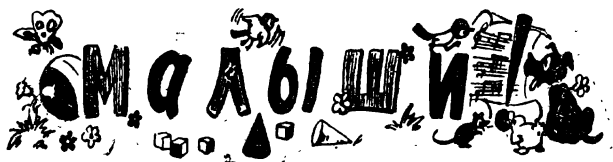
Хитрый шкаф

В нашей кухне, у окошка,
Белый шкаф стоит на ножках,
Говорят, что круглый год
Дед Мороз в шкафу живёт.
С этим шкафом горе прямо,
Настоящая беда!
Молоко поставит мама —
Вместо пенки — корка льда.
Вот поедим мы на дачу, —
Я туда салазки спрячу!

В. НИКОЛАЕВ

Рис. Е. Сидоркина

Натуралист

Рисунки Н. Зверева

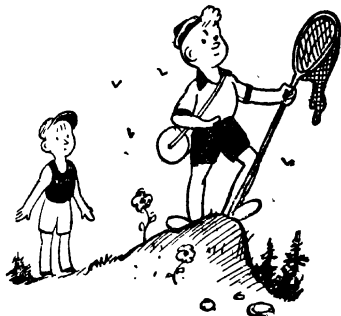
Я без Серёжи, как
 без рук.
 Хороший друг Серёжа!
 В сачок попался
 майский жук —
 Достать его поможет.

Я сам не трогаю жука:
 А вдруг ещё
 укусит!..
 Серёжа — тот
 и червяка
 И рака взять
 не струсит.

В углу увидев паука,
 Не задрожит,
 как лист.
 Но он —
 любитель лишь пока,
 А я — натуралист!

Л. СЛУЦКАЯ

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Володька во время фашистской оккупации Брестской области собирал брошенное оружие и прятал его в лесу. Ночью, тайно от взрослых, вместе с другом Колей Гайшиком он переставил оружие на огород к Коле.

Утром в избу пришли с обыском фашисты. Их привёл односельчанин Козич, который знал, что отец Коли, Василий Демьянович, был председателем сельского совета. Во время обыска Коля был ни жив ни мёртв. Немцы могли обнаружить тайник. Но они ничего не нашли, забрали отца и ушли.

На следующее утро Коля решил рассказать о случившемся Володьке. Он оставил дома маленькую сестрёнку Нину и выскочил в огород. Из тайника на всякий случай достал пистолет и спрятал его под рубахой.

В лесу Коля встретил троих мужчин. В одном из них он узнал товарища Мартына, ушедшего к партизанам. Коля рассказал о Володькином тайнике, о том, как они перенесли оружие на огород, чтобы сохранить его для партизан, как пришли немцы с обыском и увели отца. Мартын пообещал разузнать об отце и помочь, а Коле велел вернуться домой, о встрече никому не говорить, даже матери. За оружие поблагодарил и обещал его забрать.

Коля вернулся домой довольный встречей в лесу. К вечеру вернулась мать, усталая и молчаливая. Очень хотелось утешить её, сказать, что есть сильные, честные люди, которые помогут отцу. Но тайна есть тайна...

Еленка

В ЭТУ ночь товарищ Мартын не пришёл.

Коля проснулся утром с таким чувством, будто забыл сделать что-то очень важное. Тревожные мысли не давали покоя. Как он мог заснуть! А что, если партизаны приходили за оружием? Стучали в окошко, не добудились, да так и ушли. Ведь не сидеть же им до свету под яблоней!

Продолжение. Начало см. в №№ 2—3, 4.

Прихватив яблоко и кусок хлеба, Коля вышел в сад. Было сыро и прохладно. Видимо, ночью моросил дождь. Ветер гнал по небу со стороны леса рваные серые облака. Земля была влажной. А на дороге сверкали мелкие серые лужицы.

Коля медленно обошёл избу, внимательно вглядываясь в землю. Мокрая трава была не примята, клумба под окном не тронута, только серая полоска земли вдоль избы вся рябая, будто в оспинках, — сюда падали тяжёлые капли с крыши.

Ничто не указывало на ночных гостей — не было ни следов сапог, ни знаков, ни оставленной где-нибудь для него, Коли, записки.

Коля присел на верхнюю, сухую, ступеньку крыльца и принялся завтракать, откусывая поочередно то от куска хлеба, то от яблока. Когда хлеб и яблоко были съедены, он прислонился головой к балясине и стал смотреть в небо. Это была старая, привычная игра.

Если долго смотреть на быстро бегущие облака, наступает момент, когда облака будто останавливаются, а сам ты летишь под ними вместе с землёй, вместе с солнцем, что проглядывает в голубые рваные дырки облаков, летишь неведомо куда. И сладко замирает сердце от ощущения полёта и чуть кружится голова.

Неизвестно, сколько бы Коля просидел вот так, будто зачарованный, если б рядом не раздалось громкое: «Здравствуй».

Коля вздрогнул. Земля остановилась. Облака побежали.

По ту сторону забора, на дороге, стояла белобрысая девчонка в высоких коричневых ботах и коротком синем пальтишке поверх пёстрого сарафана. На голову её был накинут серый платок. Лицо у девчонки было круглое, глаза серые и такие большие, будто она всё время чему-то удивляется. Нос — пуговкой. Весь её облик напоминал деревянную «матрёшку».

Коля её отлично знал. Звали девчонку Еленкой. Жила она в Яблонке с матерью и двумя

старшими братьями и была на год старше Коли.

— Ты чего, оглох, что ли? На «здравствуй» не отвечаешь, — сказала Еленка и вошла в калитку.

— Здорово! Тебе чего?

— Ничего.

— Ничего, так проваливай.

— Чего ты огрызаешься?

— А ничего. — Коля отвечал беззлобно. Ему, собственно, не хотелось обижать Еленку, но надо же было как-то поддержать своё «мужское достоинство». Решив, что он достаточно подчеркнул разницу между ним, мужчиной,

и ею, девчонкой, он уже совсем миролюбиво спросил: — Ты к Нинке?

— А вот и нет. К тебе.

— Ко мне-е? — пере-

спросил Коля протяжно, и белёные брови его дрогнули и поползли вверх.

— Дело есть.

— М-м-м... — хмыкнул Коля и, помолчав для важности, сказал: — Выкладывай!

— Не здесь, — тихо ответила Еленка. — Проводи меня немного.

Вот ещё новости! — Коля устался на неё, будто впервой увидел. — Уж нет ли тут какого подвоха?

— А ты куда?

— На кудыкину гору. Нечего мне дорогу закудыкивать, — Еленка засмеялась.

Коля покраснел от досады. Действительно, не принято спрашивать: «Ты куда?» Говорят, дороги не будет. Есть такая примета. И он переспросил по-другому:

— Далеко идёшь?

— Домой.

Помолчали. Еленка выжидательно смотрела на Колю. Он нехотя поднялся.

— Ну, идём.

Они вышли за калитку и двинулись по скользкой влажной дороге к селу, аккуратно обходя лужицы. Коля старался идти подальше от Еленки. Ещё увидит кто — засмеёт, с девчонкой связался. Барышню провожает.

Когда отошли от дома, Еленка повернула к Коле круглое веснушчатое лицо и тихо спросила:

— К тебе ночью человек должен был прийти?

Коля от неожиданности остановился у края лужи.

— А ты... ты почём знаешь?

— Знаю. Придёт на той неделе. Велено сказать: «Зачем придёт — о том ни слова. И чтобы хранил». Понял?

— Понял. — Коля смотрел на Еленку во все глаза, шагнул к ней, ступив прямо в лужу, и так и остался стоять в воде. — А больше ничего не велено?

— Выйди из лужи-то, промокнешь, — сказала Еленка и медленно пошла дальше.

Коля догнал её и пошёл рядом, плечом касаясь её плеча.

— Ещё насчёт бати твоего...

— Ну?

— Жив он. Сидит в сарае вместе со всеми... Солдаты дуже строго сторожат...

— Чего ж с ним сделают? — спросил Коля.

Еленка вздохнула:

— Не знаю... Может, только допросят и выпустят. Ну, побьют маленько.

Коля почувствовал на своей руке тёплую Еленкину ладонь и лёгкое пожатие маленьких пальцев.

— Ты не печалься. Там тоже наши люди есть.

Коля взглянул на Еленку. Губы её были плотно сжаты. Глаза прищурились и стали колючими. Сходство с «матрёшкой» исчезло.

Они сделали молча ещё с десяток шагов. Потом Еленка остановилась.

— В лес уходит народ. И мои братья уходят, — сказала она серьёзно и тихо.

— А ты?
— А мы с мамой пока дома останемся. Ну, прощай.
— До свидания, Еленка, — ответил Коля и неожиданно добавил: — Приходи к нам.
— Приду.
— Спасибо тебе, — сказал Коля и протянул Еленке руку.

Они обменялись рукопожатием. Еленка ещё раз кивнула и пошла в село. А Коля повернул к дому. Полил мелкий холодный дождик. Краски вокруг потускнели. Будто всё завесили тускло-серебристой сеткой.

Возле дома Коля обернулся. На другом конце дороги едва видимая за нитями дождя маячила маленькая фигурка в коротком синем пальтишке.

Несколько дней Коля бродил возле большого просёлка, недущего в Ивацевичи. Наносив воды и хвороста, он уходил из дому и прямо через поле, по колкому жнивью, шёл к дороге.

Справа и слева от неё пожелтевшие берёзы гляделись в зеленоватые лужицы болот. Коля выбирал сухое местечко, с которого можно было наблюдать за дорогой, садился и ждал. Может, пройдёт кто знакомый и от него можно будет узнать что-нибудь об отце.

Томительно тянулось время. Размытая дождём, полупросохшая дорога была пустынна. Редкие прохожие шли

торопливо, с оглядкой. И даже знакомые останавливались и отвечали на вопросы мальчика неохотно. А иные, просто махнув рукой, спешили дальше.

Несколько раз по дороге проезжали и проходили немцы. Завидев их, Коля ложился на живот и будто вжимался в землю. Сизая осока скрывала его от глаз проходящих.

Шли дни, а Коля всё сидел и ждал. Кругом, бесшумно крутясь в воздухе, опадали ржавые листья, дожились на мёртвую воду и коченели там, оторванные от родных ветвей, отжившие свой короткий летний век.

Придёт зима, закуёт их в лёд, занесёт снегом. Берёзы будут стоять на студёном ветру беспомощные и нагие, и ветер будет пугать их разбойничьим свистом.

Коля представлял себе эти места через месяц-другой, и безотчётная тоска сковывала сердце. Жаль было и эти доверчивые берёзы, и жаркие листья, оброненные ими, и сновавших кругом лягушек, и притихших птиц — всё живое на живой земле. Хотелось прижаться лбом к влажной серебристой коре и плакать. Но слёз не было. Они будто прикипали к сердцу, будоражили, и сжимались кулаки, а глаза становились холодными и колкими, под стать осеннему ветру.

Всё худое, что было вокруг — и беспомощность осени, и беспощадность идущей зимы, и слякоть опустевшей дороги, — всё, всё сплеталось в одно — пришли фашисты. Только они виноваты, только им надо мстить. И пока они бродят по родной земле — не наступит весна, не нальются соком берёзы, не сбросят болота тяжёлого ледяного покрова, не вырастут на красном лозняке нежные пушистые комочки вербы, не запюют птицы — жизни не будет. Всё вокруг будет сквано тяжёлой, мучительной дремой.

На пятый день на дороге появился человек. Он был босой, без шапки и, видимо, пьян, потому что шёл, ступая нетвёрдо, то и дело пошатываясь.

«Нашёл время напиваться», — неприязненно подумал Коля. Фигура человека казалась знакомой. Коля вспоминал, где он его видел, но никак не мог вспомнить.

Потом человек подошёл поближе. У него было худое, осунувшееся лицо, левый глаз затёк и вокруг него, будто огромная клякса, расплылся чёрно-лиловый синяк. Коля

пригляделся, охнул и бросился к человеку прямо через болото, не разбирая дороги. Он остановился возле него, глядя во все глаза, потрясённый, растерявшийся. Потом выдохнул тихо, будто вскрипнув:

— Батя!..

— Николка! — сказал человек и улыбнулся.

Коля, пожалуй, за всю свою короткую жизнь не видел ничего страшнее этой улыбки. У отца не хватало нескольких зубов, потрескавшиеся опухшие губы кровоточили.

— Батя!

Коля прижался к отцу и вскрипнул. Тот погладил его волосы, и мальчик почувствовал, как дрожат руки отца. Так они стояли молча на дороге — отец и сын, каждый по-своему переживая горе, но одинаково ненавидя тех, кто его причинил. Потом отец спросил:

— Дома-то как?

Коля шумно утёр рукавом нос:

— Всё в порядке, батя. Не волнуйся. Пойдём.

Василий Демьянович оперся о плечо сына, и они медленно побрели к селу. Шли молча. Только Коля возле самого села спросил:

— Били они тебя?

Хотя всё и так было понятно.

Отец усмехнулся:

— Стукнули маленько. Ну, да отольются им и кровь и слёзы.

Несколько дней Василий Демьянович отлёживался. Во сне стонал и скрипел зубами. В избе воцарилась тишина. Все ходили на цыпочках, чтобы не тревожить больного.

Несколько раз приходил Володька. Садился на лавку и молчал. Однажды принёс банку клубничного варенья. Поставил её на стол.

— Мамка прислала.

— Спасибо. — Василий Демьянович повернулся на бок и скрипнул зубами. Потом спросил: — А как там?

И все поняли: там — это за стенами избы, в огромном мире, охва-

ченном смертельной, беспощадной войной.

— Гитлер Москву берёт, — тихо сказал Володька.

— Москву-у?.. — Василий Демьянович снова скрипнул зубами. — Кишка у него тонка. Лопнет с натуги-то. Это тебе... не Иващевичи какие... Два кола, три крыши... Это тебе — Москва-а! Захлебнётся.

— Мужики гуторили: аж до самого Уралу немец прёт без роздыху, — сказал Володька.

— Плюнь в глаза... Нет такого войска, чтоб Россию покорило, чтоб её на колени поставить. Разумеешь? Нет такого войска на всей земле. — Василий Демьянович приподнялся на локте. — И мы на колени не станем. Не сломают. Рёбра можно сломать, руки, ноги, но душу... Душу нашу не сломать... — Василий Демьянович вздохнул. — Бьют они здорово, гады. А душу не выбили. Мы ещё споткаемся *, ещё побачим, кто из кого душу выколотит.

Как-то ночью тихо постучали в окно двойным ударом три раза с равными промежутками.

Коля и Василий Демьянович проснулись. Коля сел, протирая глаза. Гулко барабанил по крыше дождь. Может, никто не стучал. Показалось.

— Глянь-ка, кто там, — тихо сказал Василий Демьянович.

Коля прижался носом к оконному стеклу. По стеклу текли дождевые струйки, и от этого оно казалось неровным, смятым в гармошку. За окном была темень. Кто-то приблизился к стеклу с той стороны. Коля не увидел, а скорей угадал бледное пятно лица, но узнать человека не мог.

— Вроде, есть кто-то, — шёпотом сказал он отцу.

— Открой. Только тихо.

Коля босиком прошёл в сени. Нашупал щеколду, отодвинул засов, приоткрыл дверь. В лицо ударили холодные брызги.

— Кто здесь?

* Встретимся.

— Я, Еленка...

— Еленка? — удивился Коля.

— Я не одна. Со мной товарищ.

Еленка поднялась на крыльцо. Вслед за ней поднялся мужчина. Разглядеть его в темноте Коля не мог.

— Заходите. Только тихо.

Коля взял Еленку за руку и повёл через сени в избу. Сзади что-то гроыхнуло. Видно, незнакомец задел ковшик и тот свалился с кадки.

— Кто? — спросил Василий Демьянович.

— Вам привет от тёти Пани из Пружан, — тихо сказал мужчина, и голос его показался Коле знакомым.

— Здорова ли старушка? — спросил отец.

— Как девка на выданье, — ответил мужчина.

«Откуда взялась у нас тётя в Пружанах?» — удивился Коля.

— Садитесь, товарищ, — пригласил отец. — Простите, сам не встаю.

— Знаю.

— Коля, занавесь окошко.

Коля бросился к окну и завесил его одеялом. Остальные окна были наглухо прикрыты ставнями.

— Запали-ка свечу.

Свеча лежала на карнизе печи. Коля нащупал её. Сбил случайно на пол коробок со спичками. Стал на колени и торопливо начал шарить вокруг себя.

— Чего ты возишься? — сердито сказал отец.

— Спички обронил. Есть! — Коля натолкнулся на коробок. Открыл его. Взял спичку. Чиркнул. Вспыхнул голубоватый огонёк. Он поднёс его к свече. Фитиль тоненько потрескал, пустив слабую струйку дыма. Разгорелся. От вещей по стенам побежали длинные дрожащие тени.

Коля взглянул на мужчину и улыбнулся. Это был рыжий парень из леса — Сергей. Он стоял посередине избы, и с промокнутой одежды его капала на пол дождевая вода. Сапоги были облеплены грязью. Сергей глянул под ноги и смутился:

— Извините. Наследили мы тут...

— Чего уж там, — сказал отец. — Раздевайтесь. Обсохнете.

— Времени нет на просушку. А вот девочка не простыла бы.

Проснулась мать:

— Да это никак Еленка?

— Я, Ольга Андреевна.

— И тебя по ночам носит!.. Иди-кась скорей, переоденься. А то и **впрямь** простынешь.

Еленка ушла за занавеску.

— Как жив, кашеед? — спросил Сергей.

Коля покраснел и засмеялся:

— Живу.

Сергей снял мокрую куртку, повесил у двери.

— Садись поближе, товарищ, — пригласил Василий Демьянович. — Тебя как звать?

— Сергеем.

— А меня Василём. Будем знакомы.

Сергей подсел к отцу, и они начали о чём-то тихо разговаривать.

Еленка вышла из-за занавески в длинном, не по росту, платье, с синими мелкими цветочками по голубому полю.

Ольга Андреевна хлопотала возле печи.

Еленка села на лавку рядом с Колей.

— Сильно его побили?

— Сильно. Еле до дому дошёл.

— А мои братья ушли... В лесу сховались... А то бы и их... так же...

Помолчали.

— Товарищ Мартын у вас не был часом? — спросил Коля.

— Был... В лес ушёл. Который день не спит. Почернел даже... А смеётся. Очень крепкий человек.

— Крепкий, — согласился Коля.

Снова помолчали.

— Ты Сергея давно знаешь?

— Какого Сергея? — спросила Еленка.

— Да вот этого.

— А-а... Часа два...

— Всего? — удивился Коля.

— Он не здешний. С Урала, вроде. Его к нам товарищ Мартын привёл. «Проводи, — говорит, — Еленка, товарища к Гайшикам». Вот я и привела. Обсохнет маленько одёжа — домой пойду.

— Ночью? Одна?

— А что ж!..

Коля посмотрел на Еленку, не скрывая восхищения. Потом сказал:

— Ты лучше у нас ночуй. До свету. Потом я тебя провожу.

Еленка улыбнулась и спросила ехидно:

— А ребята не засмеют?

— Меня-то? — Коля нахмурил белёсые брови. — Пусть попробуют!

— Коля! — позвал отец. — Поди-ка сюда.

Коля подошёл.

— Ты что ж про оружие молчал?

— Так... — Коля опустил глаза: «Сейчас взбучка будет».

— Что тебе — игрушки оружие? — сердито спросил отец. — Где оно?

— За сараем.

— Который день дождь идёт. Заржавело, поди!

Коля посмотрел на отца, на Сергея:

— Не-е... Туда, верно, дождик не достаёт.

— А если достаёт?

Отец потрепал его волосы и засмеялся:

— Эх ты, вояка!

У Коли от сердца отлегло: не будет взбучки.

Он надел отцовскую куртку, вышел из избы вместе с Сергеем. Лил дождь. Хлюпала под ногами грязь. Коля повёл Сергея за сарай. Вдвоём они разворошили тайник, вытащили винтовки и гранаты, набили патронами карманы.

Коле приятно было удивление Еленки, когда он предстал перед ней мокрый, заляпанный грязью, но с винтовкой за плечами и со штыком в руке.

Сергей осмотрел, протёр оружие и остался доволен. Наскоро закусив, он собрался в путь. Коля вышел проводить его до тропки, ведущей в лес.

Дождь хлестал не переставая. Подошвы прилипали к земле. Идти было трудно. У тропинки они простились.

— Будь здоров, кашеед, — сказал Сергей и пожал Коле руку. — Мы с твоими винтовочками шуму наделаем!

И Сергей ушёл, будто растворился во тьме. Коля прислушался, но шагов не было слышно. Только шумно хлестал по земле осенний дождь.

(Продолжение следует)

КОРЕННОЙ ЛЕНИНГРАДЕЦ

Глеб отлично знает
карту:
Вам в момент отыщёт он
Дели, Тарту и
Джакарту,
И Цейлон, и Волго-
Дон.

Ловко водит он указкой,
Перед ним открыт весь
мир:
Вот Небраска, вот
Аляска,
Здесь — Таймыр,
а там — Памир.

Вмиг найдёт он рек
истоки,
Все равнины на Востоке,
Каждый малый
островок.

Класс весь шепчет на
уроке:
«Вот ведь знания
глубоки,
Помнит карту назубок,
Нет канала, чтоб не
знал он!..

Нет, ребята, как
сказать!
Вот Обводного канала
Глеб не мог нам
показать.

И поверили вам зря мы,
Что знаток он
островов, —
На Васильевский без
мамы
Добирался пять часов.

...Знает Глеб ваш, мы не
спорим,
Пункты все наперечёт,
Кроме... города, в
котором
Он родился и живёт!
Марк ГУРЕВИЧ
Владимир ПЕВЗНЕР

ЁЖИКОВЫ ЗАБАВКИ

ПА РА Д

НА Дворцовой площади — парад, и у нас во дворе тоже парад. Женька ребятам командует:

— Пехота — ать, два! Кавалерия — рысью! Машинам завести моторы!

А для толстого-претолстого Жеки одна подходящая команда нашлась:

— Петропавловской крепости — оставаться на месте!

У Г О В О Р И Л

МАЛЕНЬКИЙ Витёк отцу уговаривает:

— Папа, возьми меня на демонстрацию! Я флаг помогу тебе нести!

— Да я и сам, сынок, справлюсь. А ты ещё мал, устанешь.

— Тогда я тебе дорогу буду показывать!

— Я и сам найду, а ты с ног собьёшься.

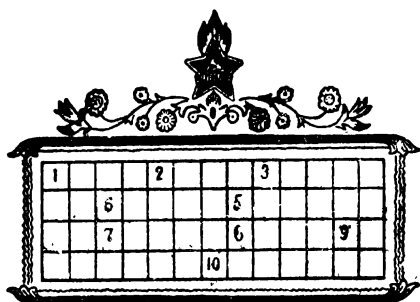
— Не собьюсь! Я на плечи к тебе залезу, так вместе и пойдём!

Уговорил.

Рис. Е. Сидоркина

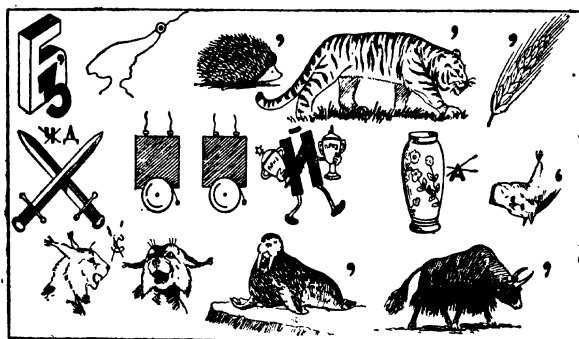
Чайнворд
«Пионерский».

1. Самый маленький пионерский коллектив.
2. Пионерская организация класса.
3. Пионерская организация школы.
4. Всесоюзный пионерский лагерь.
5. Пионерский журнал.
6. Предмет походного снаряжения.
7. Физический прибор, облегчающий ориентирование на местности.
8. Пионерское приветствие.
9. Пионер, следующий

благородному примеру героя повести А. Гайдара. 10. Широко применявшаяся в первых пионерских отрядах система взаимного оповещения о внеочередных сборах и других неотложных пионерских делах.

РЕБУС

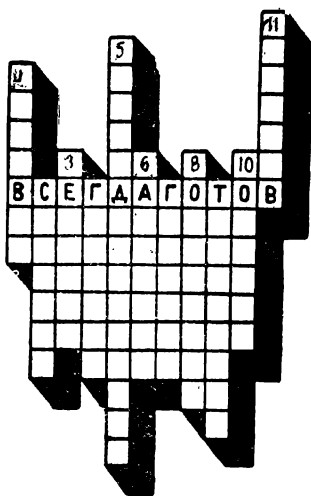

Разгадав ребус, вы прочитаете слова из песни о пионерском слёте.

Они были пионерами

3 АПОЛНИТЕ клетки *буквами* так, чтобы в вертикальных рядах читались имена славных сыновей и дочерей нашего народа.

1. Секретарь подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 2. Комсомолец, боец Советской Армии. Тяжело раненный, он был захвачен врагами и подвергнут жестокому пыткам, но на все вопросы палачей отвечал лишь презрительным молчанием и пал смертью героя. 3. Юный партизан, бесстрашный разведчик. Предательски захваченный врагами, он пал смертью храбрых 6 ноября 1941 года. 4. Пионер-партизан, погибший в бою в селе Острая Лука, Псковской области, 23 января 1943 года. 5. Московская школьница, партизанка. Безграничная любовь к Родине и беспримерное мужество сделали её имя бессмертным. 6. Гвардии рядовой, навечно зачисленный в списки полка за безграничную доблесть и героизм. 7. Отважная дочь нашего народа, передавшая телеграфной азбукой по камерам последний приказ штаба «Молодой гвардии»: идти на казнь с поднятой головой и петь «Интернационал». 8. Прославленный лётчик, трижды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР. 9. Лётчик-истребитель, один из первых советских лётчиков, таранивших противника. 10. Славный сокол советской авиации, трижды Герой Советского Союза; в школьные годы — пионер села Ображеевка Сумской области. 11. Пионер села Герасимовка Уральской области, предательски убитый кулаками 3 сентября 1932 года.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы к «Искорке» № 4)

КРОССВОРД

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Крейсер. 2. Автобус. 3. Балл. 4. Кекс. 5. Копулировка. 6. Протоплазма. 7. Крахмал. 10. Клинкер. 11. Удэге. 12. Линия. 17. Барокко. 18. Горилла. 22. Уток. 23. Вика.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 3. Боровик. 5. Калейдоскоп. 7. Копи. 8. Лемуру. 9. Корн. 13. Баллада. 14. Липотип. 15. Смарагд. 16. Диалект. 19. Лава. 20. Шамот. 21. Узор. 24. Астрофизика. 25. Куколка.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ СЛОВ

1. Кирка. 2. Апорт. 3. Трубадур. 4. Рывок. 5. Кобра. 6. Аксаков. 7. Волан. 8. Нева. 9. Арена. 10. Африка. 11. Афон. 12. Никанор.

В ОБРАТНОМ ПОРЯДКЕ: Рона, кино, факир, фанера, Вена, лов, Ока, скарб, оковы, руда, бур, тропа, крик.

РЕБУС

Кому мир не дорог, тот нам и враг.

СОДЕРЖАНИЕ

Славные традиции. Передовая статья	1
Наш город. Стихотворение С. Давыдова	2
Фразы Матильда и пионер Валя. Рассказ Г. Холопова	4
Рисунки. Рассказ в рисунках Н. Зверева	13
Пионерский слёт на Дворцовой площади. Назовите, что прекрасней... Стихотворения В. Торопыгина	14
Из истории пионерской организации. „С красным галстуком — всю жизнь“. Из рассказа Б. Волохонской	16
Пионерские памятные даты.	19
Эти песни пели пионеры. „Маленький барабанщик“. „Картошка“	20
Сосед Ленина. Рассказ А. Пунчики	24
Их именами названы улицы. Статья Г. Куриленко	29
Весёлая страничка. Рассказы в рисунках М. Бекташева	32
Рассказы бывалых людей. За Красный Петроград. Воспоминания генерал-майора С. Гурьева	34
Творчество юных. Стихотворение Сергея Макарова „В майский вечер“	45
Почтайте, малыши! Стихотворение В. Николаева „Хитрый шкаф“ и стихотворение Л. Слуцкой „Натуралист“	46
Недремлющий лес. Главы из повести И. Турчина	49
Ёжик. Стихотворение М. Гуревича и В. Певзнера „Корениной ленинградец“. „Ёжиковы забавки“	60
Клуб охотников за ошибками. Чайнворд „Пионерский“. Ребус. Они были пионерами. Проверь себя	62
На первой и четвёртой страницах обложки — фотографии Георгия Сафорова	
На второй странице обложки — ноты к песне Е. Овчинникова „Внуки солдат Октября“ (слова к песне на третьей странице обложки).	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград. Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-454-90.

Сдано в набор 9/V 1957 г. Подписано к печати 3/VI 1957 г. Тираж 75.000.
М 11654. Заказ № 711. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Цена 1 руб.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Внуки солдат Октября

(Ленинградская пионерская)

Слова В. Суслова

Муз. Е. Овчинникова

Колышет ветви клёнов,
Шумит в садах зелёных,
Летит, гудит приветливо
балтийский ветерок.

Он тоже вместе с нами
Несёт сегодня знамя
По городу родному,
по тысячам дорог!

ПРИПЕВ:

Улицей людною
В праздничной зелени
В ногу шагает отряд.
Ленинцы юные
Города Ленина —
Внуки солдат,
солдат Октября!

Идёт отряд наш строем
По городу-герою,
Проходит над широкой
красавицей Невой,

И слышит наши песни
Просторный светлый
Невский.

О юной пионерской
отваге боевой!

ПРИПЕВ.

По площади Дворцовой
Мы в каждый праздник
снова

С путловцами рядом
Идём в одном строю.
Горды мы величавой
Отцов и дедов славой,
Мы любим гордый город
и Родину свою.

ПРИПЕВ.

С мечтою в сердце
дерзкой,
С отвагой пионерской
Мы вырастем и счастье
построим на века.
Отважным и умелым
Вперёд к великим целям
Указывает путь нам
Ильич с броневики!

ПРИПЕВ.

Рис. В. Сердюкова

Цена 1 рубль

